

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*На площади, куда выходило окошко моей
камеры, строили деревянное сооружение.
Строили тихо, стараясь никому не помешать
визгом пилы или деликатными ударами
молотка, вгоняющего гвозди торопливо,
с какой-то виноватой суетой.
Конечно, строили помост и плаху.
Для меня.*

Дом

Я проснулся за минуту до петушиного крика. В комнате светало, и предметы выступали из сумерек, будто поднимались из глубокой воды: деревянный шкаф, похожий на обомлевшее чудовище. Синий фарфоровый кувшин и жестяной рукомойник. Кресло с потертыми подлокотниками, круглый стол на шести гнутых ножках. Я протер глаза, пытаясь сообразить, когда уснул. Час назад? Два часа?

Петух на флюгере разразился воплем. Когда-то он кукарекал «хрустальным голосом», но с тех пор прошло больше ста лет, и механизм давно сломался. Теперь петух ревел, как сумасшедший бык, завывал на разные голоса; под этот вой просыпались мы с братьями, а до нас — наша мать, а до нее — дед Микель. Славную торговую семью Надир основала прабабка Лейла, она же построила этот дом, она же посадила на флюгер медного петуха, уже тогда слегка неисправного.

На кровати у стены завозился младший брат Рамон. Из-под полога в дальнем углу показалось сонное лицо старшего брата Эда. Из года в год мы втроем жили в одной комнате и никогда не говорили друг

другу «доброе утро». Не потому, что ссорились. Просто крик медного петуха отбивает всякую охоту разговаривать.

Эд первым прошлепал к умывальнику, и пока я уговаривал себя спустить ноги на каменный пол, брат успел израсходовать половину воды из кувшина. Он был старше меня на два года, но ростом мы уже сравнялись, и в хорошем настроении иногда тузили друг друга — но не с утра же, не в понедельник, не перед школой.

Я отправился к умывальнику в свою очередь, и вода пролилась мне на макушку. Зажмурившись, можно было представить, что ты нырнул в лесное озеро и плывешь, не зная горя; я едва удержался, чтобы не вылить на себя все до капли. Рамон, которому положено было умываться последним, посмотрел на нас укоризненно.

Петух замолчал. Наступила тишина, будто уши отвалились, и только через минуту сделалось слышно, как внизу, в столовой, играет медовую музыку шкатулка дедушки Микеля.

Дед прожил долгую жизнь. Он заложил основу того, что теперь называется «благосостоянием Семьи Надир». В детстве благосостояние представлялось мне огромным мешком пуховых подушек. Я часто слушал разговоры за столом, почти каждый вечер задремывал в кресле под строгий голос деда Микеля: «Я заложил основы благосостояния Семьи, а вы подрываете его!» В полусне мне представлялось, как мои отец и мать растаскивают подушки из мешка, потрошат их и зарывают в мягкую землю; дед умер несколько лет назад.

...Хорошо бы не ходить в школу.

Я долго уговаривал мать разрешить мне бросить учебу. Мать была непреклонна: у нас Семья, говорила она, это накладывает обязательства. Если кто-то из

детей не получит аттестат — что скажут потомки? Хуже — что скажут предки? Что скажет Лейла, Мертвая Ведьма?!

Мертвой Ведьмой прабабушку Лейлу прозвали еще при жизни. Глядя на ее портрет, висевший в столовой, я всякий раз заново понимал: нельзя бросать школу. Пусть знания мне не пригодятся, пусть это пустая трата времени — я должен получить аттестат, если хочу жить.

Предки были похоронены рядом с домом, на лужайке. Плохими ночами, когда выла буря, или кто-то из домашних болел, или после крупной ссоры, предки поднимались из могил и начинали бродить по дому. Грохотала мебель, раскачивались лампы и гасли свечи, а однажды я встретил прабабку Лейлу в детской, в моей кровати, и очень долго потом боялся темноты. Думаю, предки не желают нам зла: они наставляют нас и поучают, указывают, предостерегают, — короче, воспитывают теми средствами, которые доступны покойникам. По-видимому, нам следует быть благодарными.

Мы с братьями оделись. Эд первым спустился по скрипучей лестнице, за ним — по старшинству — я, за мной молчаливый Рамон. Завтрак уже ждал нас на столе — каждому по тарелке каши и по ломтю хлеба с медом. Во главе стола восседала мать, сухая, прямая, с гладко уложенными седыми волосами: родители успели состариться к тому времени, когда началась моя юность. У нас не было служанки — мать говорила, что в наши времена невозможно отыскать девушку, соответствующую требованиям рода. Но на самом деле нанять прислугу не позволяло прохудившееся «благо-состояние»; через день к нам приходил деревенский парень, чтобы присмотреть за садом, да раз в неделю прибывал торговец с тележкой продуктов. Все прочее по дому мы делали сами, вернее, делал отец.

— Настало утро, и Семья за столом, — звучным голосом сказала мать. — Пусть предки благословят наш стол и очаг. Онри, сядь.

Отец послушно сел рядом с ней. Сколько себя помню — отец всегда подчинялся матери. Он не был Надир — его «взяли в Семью», как любил повторять дедушка Микель. Его тщательно изучали, испытывали, выбрали среди многих претендентов, а он не оправдал доверия; когда груз обвинений, обычно приводимых за ужином, становился совсем уж непосильным, отец робко возражал: но ведь я старался как мог! Мать тогда смотрела на него, и он умолкал под этим взглядом.

Отец был потомственный маг старого аристократического рода. Пока его предки владели обширными наделами, магия процветала, и чародеям вольно было расхаживать в шитых золотом плащах, вызывая общий страх и восхищение. Но род обеднел, и оказалось, что хваленая магия без деловой жилки ничего не стоит. Мой отец, сколько его помню, заменял в доме кормилицу, няньку, дворецкого и десятков горничных. Иногда ему удавалось зачаровать лисиц или белок, и те прибегали из леса помогать по хозяйству. Сколько посуды они перебили, сколько ковров изгадили в ходе уборки — уму не постижимо.

Справа и слева от меня стучали ложки — Эд и Рамон ели быстро. Каша, дожидаясь нас, успела немного остыть. У меня совсем не было аппетита — я только хлебнул воды, холодной, с осколками льда. Через полчаса, самое большее час на меня нападет жуткий голод, забурчит в животе, я буду маяться и жалеть о недоеденной каше — но сейчас кусок не лезет в рот.

— Леон, если ты не съешь завтрак, ты не получишь в школу обеда, — ровно сказала мать. — Это поможет тебе к ужину нагулять аппетит.

Я сунул в рот огромную ложку каши, и она слепила в единое целое язык мой, зубы, губы и, кажется, даже слюнные железы. Никогда бы не поверил, что смогу проглотить этот липкий комок. Снаружи, во дворе, ударил колокол.

— Вот и карета, — пробормотал отец. — Леон, ты плохо выглядишь. Не выспался?

Я ответил что-то, не открывая рта.

— Идите, — разрешила мать.

Мы с братьями одновременно поднялись из-за стола — я на ходу боролся с кашей. Мешочки со школьным обедом лежали на столике у двери: нам с Эдом побольше, Рамону, как малышу, поменьше. Здесь же, у стены, стояли заранее собранные школьные саквояжи.

— Мы уходим из дома, собираясь вернуться, — сказал Эд, коснувшись рукой порога. Его слова в один голос повторили мы с младшим братом.

Карета стояла посреди двора, перед ней замерли две лошади — невообразимо старые, огромные, обе слепые. Много лет они таскали школьную карету в один и тот же час по одному и тому же маршруту; им не нужен был возница. Экипаж, вмещавший пять десятков детей и подростков, казался замком-развалиной, вставшим на колеса.

Эд не без усилия открыл дверь. Звонко ударила жесть: моего брата стукнул по лбу жестяной ковш на веревочке. Грохнул смех изнутри. Я взобрался по лесенке вслед за Эдом; тот уже тряс, ухватив за волосы, растрепанного бледного мальчишку по имени Ойга, известного злого шутника.

— Это не я! Отпусти! Это не я! — вопила жертва.

Эд молча отшвырнул мальчишку. Прошелся вдоль ряда сидений, время от времени отвешивая оплеухи; кто-то притих, кто-то вполголоса возмутился. Я дви-

нулся по проходу вслед за братом — последние недовольные голоса стихли.

— Сопляки паршивые, — сказал Эд.

Он никогда не ругался — просто называл вещи своими именами.

Карета тронулась. Мы с братом уселись сзади, где лучшие места были отданы старшим ученикам. За нами пришел Рамон, тихо сел с краю и уставился на дорогу сквозь мутное окошко: карета выкатилась на дно ущелья, и ее огромные колеса стучали теперь по валунам на дне мелкого ручья.

Мы с братьями всегда держались сообща между собой — и отдельно от прочих, поэтому нас не любили в школе. Но боялись, потому что вместе мы были сильны. Кроме того, мы втроем наследовали семье Надир, а кто такие Надир, в наших краях знал даже самый маленький и глупый ученик.

Школа

Наше с братьями будущее определилось в раннем возрасте. Нет, никто не пытался предсказать нашу судьбу — нам просто выдали поручения, распределив их таким образом, чтобы больше пользы принести Семье.

Эд, мой старший брат, должен был прилежно учиться и всю жизнь заниматься наукой. Он делается академиком в лучшем университете и тем прославит Семью Надир. Рамону, младшенькому, предстояло стать отцом семейства — его предполагалось женить сразу после окончания школы. А я, средний брат, должен был обеспечить «благосостояние» всех этих планов — иначе говоря, зарабатывать деньги для Семьи и вести свое дело.

Мой старший брат в самом деле очень умный. Каждый день он делает два домашних задания: свое и мое, да еще иногда помогает с уроками Рамону. Они отлично ладят между собой, мои братья: иногда мне кажется, что Рамон — уменьшенная копия Эда. Оба медноволосые, длиннолицые, только Рамон щуплый и по-детски узкоплечий, а Эд — уже мужчина и сложен по-мужски.

А вот я на братьев не похож. Волосы у меня светлые, почти белые, лицо круглое, глаза наивные. Иногда, глядя на себя в зеркало, я думаю, что, наверное, я дурак. Во всяком случае, выгляжу дураком. Эд говорит, что это даже хорошо для делового человека, если с виду он кажется простодушным.

Мне шестнадцать лет, но у меня уже есть свое Дело, и я им горжусь.

Мой отец, хоть и стал частью Семьи, так и не смог смириться с нашим, как он говорит, «торгашеством». Помню несколько их стычек с матерью — отец тогда доведен был до отчаяния и говорил очень смело. «Маг — это не профессия», — цедила мать, а он бледнел, надувался, как индюк, и еле слышно кричал: «Торгаши! Купи-продай! Мой дед одним заклинанием превратил купца в лягушку!» (На самом деле его дед-волшебник даже головастика не смог бы превратить в лягушку, во всяком случае, так говорила мать.)

Помню, как отец смотрел на меня, когда я заявил на семейном совете, что открываю собственное дело. Мать обняла меня и расцеловала — впервые с тех пор, как мне было пять лет. Но вот отец...

Карета остановилась перед зданием школы. Мы дождались, пока выгрузятся младшие, и, когда карета опустела, вышли вместе со старшими учениками — неторопливо, с достоинством.

Здание школы было сложено из каменных глыб и снаружи походило на огромную статую черепахи. Изнутри открывался зал, гулкий и просторный, под высокими сводами. В нем особым образом распространялись звуки: голос учителя слышался всем, даже если учитель переходил на шепот. Так же разносились другие звуки с кафедры: шелест страниц, скрип кожаных переплетов и кашель или бурчание в животе, если учителю нездоровилось. Мы с Эдом сидели в крайнем левом ряду, со старшими учениками, а Рамон в центре, со средними.

Ударил гонг. Мы сложили на учительский стол тетради с домашним заданием; у нас с Эдом почти одинаковый почерк. Учитель знает, наверное, что я не сама делаю уроки, но закрывает на это глаза, и я получаю раз за разом оценки «крест» и «звезда». А больше мне и не надо.

Эд иногда получает «сердце». Но редко. Учитель к нему придирается. А Рамон разгильдяй — иногда мне кажется, что он получает оценки случайно, выбрасывает их наудачу, будто кости.

Гонг ударил дважды. Мы уселись на места, раскрыли саквояжи; по расписанию первым уроком у старших была стереометрия. Пробил третий гонг; под сводами наступила тишина — полнейшая, даже малыши, занимавшие правый ряд, затихли.

Учитель вышел из боковой двери, приземистый, квадратный. Налегая всем телом на трость, проковылял к своему месту. С трудом выпрямился. Мы услышали сперва тяжелое дыхание, потом резкий, с металлическим тоном голос:

— Доброе утро, мальчики, отроки, юноши. Внимание, мальчики: за время, пока бежит песок в моих часах, вы должны составить десять уравнений с

числами пять, восемь и шестьдесят три, переменная «феникс», и решить их. Внимание, отроки: за время, пока бежит песок в моих часах, вы должны написать сочинение на тему «Праздность — мать бедности», объемом не менее ста слов. Внимание, юноши: мы продолжаем тему «Порталы», сегодняшнее задание будет посвящено призывающим, или, как их иначе называют, порталам-ловушкам. Ведите конспект — я проверю...

Голос учителя взмывал к потолку и дробился эхом. Его тонкая морщинистая рука перевернула песочные часы. Краем глаза я видел, как Рамон склонился над грифельной доской: за сочинения он всегда получал если не «сердце», то по крайней мере «звезду». Младшим и средним не будет мешать голос учителя, толкующего про порталы: они привыкли. Это считается полезным навыком — умение сосредоточиться, не отвлекаться на постороннее, следовать точно к поставленной цели, работать на результат...

Грифель, лежащий на краю моей доски, раздвоился. Я едва удержался, чтобы не клонуть носом. Эд предостерегающе толкнул меня в бок; он-то знал, как мне всегда хочется спать на первом уроке. Я полночи провел в мастерской и вернулся домой почти перед самым рассветом...

— Портал из категории усложненных, земля-земля, предмет-человек. В качестве приманки используется вещь, принадлежащая человеку, либо отторгнутая часть его тела, включая остриженные волосы, ногти, вырванные зубы. Начертание знака похоже на уже известное вам начертание портала-пути: первое кольцо повторяет узор полностью...

Краем глаза я увидел, как Ойга, вихрастый бледный парень, которого Эд оттащил в карете за волосы, при-

поднялся на своем месте. Мой брат Рамон, сидящий прямо перед ним, вздрогнул и резко обернулся. Вихрастый сделал невинное лицо.

Рамон снова склонился над сочинением. Ойга забормотал без звука, потом сложил губы трубочкой и снова приподнялся на скамейке. На этот раз я успел заметить металлический блеск между его зубами — будто серебряная иголка отразила яркий свет.

Рамон подпрыгнул на месте и еле удержал крик боли.

— Рамон Надир!

Мой брат вскочил.

— Два оборота часов после занятий!

Рамон промолчал. Ойга за его спиной не улыбнулся, хотя видно было, что сдержанность дается ему с трудом.

— ...Второе кольцо обратно-симметрично соответствующему кольцу в начертании портала пути, — учитель продолжал, как всегда, ровно с того же места, на котором его прервали. — Если портал пути предназначен для входа, то портал-ловушка работает на выход. Фокусное расстояние составляет одну четвертую полного диаметра. Центростремительная сила...

Я смотрел на отражение Ойги в моей чистой, аспидно-черной грифельной доске. Вихрастый мельком взглянул на меня, будто проверяя: заметил я проделку с Рамоном? Не заметил?

— Леон Надир!

Ноги вынесли меня из-за стола прежде, чем я успел понять, к кому обращается учитель.

— Будьте любезны подняться ко мне вместе с вашим конспектом и рассказать, в порядке повторения пройденного, каким образом соотносятся полный

диаметр знака портала и его центростремительная сила.

Экономно, без единого лишнего движения, Эд положил поверх моей пустой доски свою, уже исписанную формулами.

Десяток шагов — и я стою на кафедре рядом с учителем. Ко мне обращены два ряда макушек — младшие и средние выполняют свое задание — и ряд внимательных лиц.

Как ловко они изображают внимание!

— Итак?

— Соотношение знака... и его центростремительная сила соотносятся...

— Центростремительная!

— Да, господин учитель. Они соотносятся...

Я смотрю в конспект Эда. Там такого нет.

— Они соотносятся так: чем больше диаметр portalного знака, тем сильнее эта сила.

— Формула?

Я молчу.

— «Дыра», — сухо говорит учитель. — Ваш общий балл понизился на два пункта.

* * *

После занятий, пока Рамон отсиживал назначенные ему два оборота песочных часов, мы с Эдом настигли вихрастого Ойгу. Тот попытался сбежать, но не успел: он был ровесник нашего брата. Щуплый сопляк.

Я догнал его и подставил подножку. Ойга шлепнулся на четвереньки, я взял его сзади за воротник:

— Ах ты, маленькая дрянь...

— Это подло — в спину проклинать, — проговорил Эд сквозь зубы.

Нас окружили школьники — в основном ровесники Рамона и Ойги. Малышей оттеснили. Старшие стояли в стороне, не вмешиваясь.

— Он проклинал нашего брата! — прорычал Эд, обращаясь сразу ко всем. — В спину, во время урока, пускал заклинание «игла»!

— А если я тебя сейчас проклянущу, что будет? — рывкнул я, тряся негодника за воротник.

— Не надо проклинать, — процедил Эд. — А ну, подними его.

Я рывком поставил Ойгу на ноги. Эд, несильно размахнувшись, врезал ему открытой ладонью по щеке; Ойгина голова мотнулась.

— Только тронь еще нашего брата, — прорычал Эд. — Леон, чего ты ждешь?

И тогда я тоже ударил этого гаденыша. Но не ладонью, как Эд, а кулаком в нос.

Мое дело

Я почти никогда не возвращался из школы прямо домой — меня ждала работа в городе. Вот и сейчас, оставив Эда дожидаться младшего брата, я отправился — пешком — к городским воротам.

Я шел и думал, что, наверное, вихрастый решил отыгаться на Рамоне за обиду. Что, скорее всего, жестяная лейка, упавшая на голову Эду, никакого отношения не имеет к Ойге. Этот вихрастый — нагл, шустер, изобретателен в своей вредности, но на этот раз, думал я, он был ни при чем, и Эд зря оттаскал его за волосы утром, в школьной карете.

Но все равно, думал я, Ойга получил по заслугам. Эд, конечно, старше его и сильнее, а бить младшего нехорошо. Но ведь учитель тоже старше и сильнее Рамона и может оставить его сидеть в школе хоть до вечера. Рамон наказан за чужую вину, а Ойга — за свою. Надеюсь, разбитый нос надолго отучит его посылать иглы-проклятия человеку в спину.

В животе у меня бурчало. Школьный обед я съел еще утром, как только выдалась минута. Теперь мешок из-под него, сохранивший запах сыра, лука и копченого мяса, был свернут и упрятан в школьный саквояж. Я шагал по направлению к городу, напевая песню из музыкальной шкатулки дедушки Микеля.

Как хорошо было бы, если бы Эд и на уроках сидел за двоих! Тогда у меня было бы время и поработать, и выспаться, и подумать. Но вот убито целое утро, потрачено впустую — на что? На теоретическую магию, которая никогда мне не пригодится! На драку с младшим мальчишкой!

Я ускорил шаг. Наш учитель в жизни не открыл ни одного портала, хоть лучше всех знает, как они устроены. Это называется «теория»; в огромных университетах ученые годами наносят на мрамор единственный знак, с помощью сложных приборов просчитывают углы и радиусы кривых, учитывают расширение и сжатие камня в зависимости от температуры. И если случается чудо и такой портал однажды срабатывает — новость об этом тут же облетает весь ученый мир, и такое деяние считается подвигом университета...

Я перешел через горбатый мостик. На высшей его точке мне открылись городские башни — две красные над воротами и зеленый шпиль ратуши.

* * *

Дедушка Микель когда-то владел целым торговым пассажем. Дела у него шли так хорошо, что в городе родилась присказка: «целуется с удачей, как Микель». На самом деле удача была ни при чем: секрет заключался в огромном опыте Микеля, его изобретательности и трудолюбии. Он завел свое первое дело, когда был подростком, как я, и начинал, как и я, на ровном месте.

Дедушкин торговый квартал мне не достался. Микель распродал его по частям — не хотел, чтобы налаженное дело перешло моему отцу. «Пусть твой Он-ри сам докажет, на что способен!» — кричал дед моей матери, а я дремал на кресле под эти крики, и мне снилось, что я веду в бой огромную армию и, занеся меч над головой, ору в лицо вражескому полководцу: «Пусть он сам докажет!»

Мой отец никому ничего не доказал. Он был магом, а не торговцем. Он мог заговорить котел на кухне, чтобы тот не протекал, или поставить десяток лисиц мыть хвостами ванну — но искусство зарабатывать деньги было для него чем-то вроде высшей математики, недосяжимой, да еще и постыдной.

Дед Микель в лицо звал моего отца неудачником. Отец был решетом, сквозь которое вытекали из семьи амбиции, деньги, планы; он боялся убытков, и они следовали за ним по пятам. Наши семейные призраки издевались над ним, преследовали и травили. Я знаю: он спал всегда с зажженным светом. Он и теперь спит, поставив у изголовья свечу.

Год назад я купил магазин на все сбережения Семьи: замечательное просторное помещение на главной улице города, в двух шагах от площади. Это очень до-

рогое, очень бойкое место. Я назвал магазин «Подарки Надир» и оказался самым молодым купцом в торговом квартале: на меня ходили взглянуть как на диковину. Отцы богатых купеческих семей ставили меня в пример переросткам-сыновьям.

Мой собственный отец перестал со мной разговаривать.

То есть, конечно, мы с ним обменивались какими-то фразами: «Доброе утро», «Как дела? — Нормально», «Спокойной ночи». Это были звуки, лишённые содержания — как трупы жуков, от которых остался только хитиновый панцирь, как стены дома, в котором давно никто не живет. А ведь отец любил меня, наверное, сильнее, чем братьев: раньше он даже учил меня магии, тайком от матери и вообще от всех. Это не была академическая магия, которую трудно выучить и невозможно применять. Никаких порталов и схем: отец играл со мной в «летающие чашки» и «смеющийся котел», в «позови белку» и «подрумянь булку». Я охотно помогал ему по дому и думал, что эти игры затем и ведутся — убрать, расставить по местам, вымыть, короче, использовать бытовую магию по прямому назначению. И только потом, когда отец перестал со мной разговаривать, я понял: он хотел, чтобы я был магом, а не торговцем.

Я-то как раз очень гордился собой, мне было интересно владеть магазином. Я поставил дело на широкую ногу: нанял трех помощников и девушку Лину, которая должна была зазывать покупателей. Я заказал у портного специальную одежду для своих людей, и они расхаживали по магазину, разодетые в мундиры с галуном, а Лина была в костюме знатной дамы. Я заполнил стеллажи самыми дорогими товарами: золотые украшения, драгоценные камни, музыкальные инстру-

менты. Праздник длился несколько месяцев, а потом оказалось, что я терплю жесточайшие убытки.

Мой отец обрадовался.

Однажды я вернулся домой поздно, продрогший, голодный и раздавленный свалившейся на меня бедой. Отец стоял на верхней площадке парадной лестницы и смотрел на меня сверху вниз. В его глазах было столько торжества, что я разглядел эти искры в полумраке большого дома.

Нет, он сочувствовал мне. Он меня любил. И все-таки мысль о том, что я оказался таким же неудачником в торговле, как и он, взятый в Семью «из милости», — эта мысль приводила его в восторг.

В ту ночь наши призраки будто сорвались с цепи. В вое ветра я слышал злобные голоса; на стене нашей с братьями спальни то и дело возникал портрет бабки Лейлы, висевший в столовой. Я знал, что портрета здесь нет и быть не может, но он проявлялся снова и снова, и Мертвая Ведьма глядела на меня, будто собираясь взглядом поджечь мое одеяло.

Не мой крах огорчал меня, не позор, не потеря денег — а только злорадство отца. На память приходили сказки, которые он рассказывал мне в раннем детстве — о волшебниках-воинах, игравших молниями, о волшебниках-плутах, способных нырнуть в кувшин с молоком. Но ведь это были всего лишь сказки! Разве отец не различает жизнь и выдумку? Как он смеет радоваться моему коммерческому провалу?!

Утром я встал с кровати разбитый, с твердым намерением продолжать дело во что бы то ни стало.

Магазин мой со всем товаром должны были продать с молотка. Я выпросил короткую отсрочку. Уволил всех помощников и девушку Лину (она горевала больше всех и вызывалась работать без денег). На время

бросил школу, сам стал зазывать покупателей, разговаривал с каждым, показывал товар, шутил; дела пошли чуть лучше. Но те же самые купцы, которые ставили меня в пример сыновьям, теперь давили мой магазин, как муху, сапогом жестокой конкуренции: товары оказывались слишком дороги и лежали на полках слишком долго. Если прежде мое дело катилось в пропасть — теперь оно сползало в нее медленно, но неудержимо. Тем временем из-за пропусков мой школьный балл упал до столь низкой отметки, что вот-вот грозил исключением.

Пришлось тащиться на уроки. Выслушивая рассказ учителя о повадках ехидны (лекция о природе для младших школьников) и пытаясь изобразить на грифельной доске треугольник девичьих желаний (задание по обществографии), я впал в оцепенение, похожее на сон или медитацию. И в этом состоянии, одновременно блаженном и отчаянном, мне привиделся простой узор на серебряном колечке. Я тупо всматривался в этот воображаемый узор, пока не понял, что это графическое заклинание, простенькое, из тех, что я знал еще в детстве. И тут у меня волосы встали дыбом: неужели никто не додумался раньше?!

Не помню, как я досидел до конца занятий. Эд и Рамон смотрели на меня, словно на умалишенного — слова путались у меня на языке, будто макароны. Едва прозвенел последний гонг, я бегом понесся в магазин, но открывать торговлю не стал. В каморке, служившей мне складом и временами спальней, я взял серебряное колечко с обыкновенным простым орнаментом и долго разглядывал. Потом нашел острый гвоздь (инструмента у меня тогда еще не было) и попытался вплести в орнамент заклинание.

Помню, что у меня ничего не получилось, и я только испортил кольцо. Помню ночь, которую я провел в ма-

газине. Помню, как пытался воссоздать свое видение, а оно выскальзывало и не давалось. Наконец я заснул, сидя за столом, и во сне еще раз увидел узор — в подробностях. Мало было просто влести колдовство — его требовалось *навести*, причем так, чтобы ключом активации могло быть самое простое действие.

И я сделал это. И на другой день опять пропустил школу.

Мое первое кольцо было совсем невзрачным. Я положил его на бархатную подушечку и выставил на видное место. Первыми в то утро явились матрона с дочерью: они часто навещали меня, но ничего не покупали.

— Что это? — удивилась девушка, глядя на мое кольцо.

— Колечко с заклинанием, — сказал я равнодушным голосом. — Для девиц и дам. Надеваешь на палец, трешь — и чувствуешь себя счастливой.

— Да ну, — сказала женщина недоверчиво.

— Попробуйте. Рекламный образец. Всего десять монет.

Наверное, в тот момент я выглядел как-то по-особенному. Женщина вытащила кошелек и отсчитала деньги. Ее дочь протянула руку, но матрона сама взяла кольцо и не без труда надела на мизинец.

— Потереть?

— Просто потереть, — я вдруг охрип. Испугался, что не работает.

Женщина большим и указательным пальцем взялась за кольцо. С силой потерла. Минуту стояла, будто раздумывая, глядя сквозь витрину на бойкую улицу; я падал, как сбитая ледорубом сосулька, ниже, ниже, ниже пола, в неизвестность, в ничтожество...

Женщина обернулась, и я увидел ее лицо. Оно помолодело лет на двадцать.

— Леон, — сказала она дрогнувшим голосом, — у тебя есть еще такие кольца?

С того дня, самого счастливого в моей жизни, дела магазина резко пошли на лад. Коморка-склад превратилась в мастерскую; вечером и ночью я партиями делал уже известные вещи и — на пробу — экспериментировал с новыми. Хорошо поддавались обработке музыкальные инструменты: я создавал лютни, поющие человеческими голосами. Я делал серьги, в которых все женщины казались голубоглазыми, зеленоглазыми, кареглазыми, на выбор. Самая первая модель колечек по-прежнему шла нарасхват. Потерев кольцо, девушка чувствовала себя счастливой только один раз, потом колечко становилось обыкновенным. Но оказалось, что многие девицы обладают столь сильным воображением, что сам вид «счастливого кольца» заставляет их улыбаться.

В моем магазинчике теперь постоянно толпились девушки, их женихи, матроны с мужьями и приезжие всех возрастов. Разумеется, магических товаров на всех не хватало, они были дороги, и не каждый решался их купить. Зато, привлеченные доброй славой, покупатели охотно брали у меня шелка и посуду, благовония и духи, украшения и пряности; словом, торговля моя процветала, я приносил домой деньги и был счастлив.

Отец делал вид, что радуется за меня.

Тень

— Леон! Леон, я тебя ждала!

Лина, которую я когда-то нанял в зазывалы, а потом уволил, — эта самая Лина, девица восемнадцати лет, вскочила со ступенек моего магазина.

Щеки ее горели на бледном лице. Светлое платье казалось тесным — грудь выпирала, раздирая шнуровку. Я невольно попятился: Лина часто приводила меня в замешательство. Она была слишком большая, круглая, слишком сдобная, с невыносимо горячим дыханием. И еще она была глупая; почему-то ей втемяшилось в башку, что если я польщусь на ее прелести в тесной подсобке, то потом обязательно женюсь. И она, Лина, войдет в дом НаDIR и нарожает мне ребятешек, да таких хорошеньких, что никто и не подумает отказать им в праве продолжения династии. Не брать же во внимание детей Эда, если они будут, или Рамона, который сам еще ребенок! Мои родители уже стары; в мечтах своих Лина видела себя хозяйкой дома НаDIR, ни больше ни меньше, а потому дышала мне в ухо, задевала мягкой грудью, сводила с ума и всячески мучила — а я, вместо того чтобы сразу ее прогнать, терпел. Мне даже нравилось. Я даже тискал ее несколько раз. Когда-то мы даже целовались. Но потом начались убытки, и стало не до утех.

— Я тебя ждала, у меня к тебе дело, срочное... — Лина взяла меня за локоть. Рука у нее была очень горячая, я почувствовал ее жар сквозь плотную школьную куртку.

— Что за дело?

— Не на улице... Давай войдем...

Я не видел ее несколько месяцев. Прежде она появлялась в магазине, заходила поболтать, даже покупала скромные безделушки. А потом исчезла. Говорили, у нее случился бурный роман с каким-то приезжим.

Отперев дверь, я первым делом коснулся порога:

— Добрые мыши, хозяин вернулся!

Мыши должны приносить магазину удачу. Возможно, эту суеверие, но коробочки с мышинным кормом я

все-таки на ночь оставлял, и теперь весь пол был усыпан ореховыми скорлупками. Я взялся за метлу. Лина следила за мной огромными влажными глазищами.

— Леон...

— Да?

— Сделай мне такую штуку, чтобы ребенка скинуть.

Я решил было, что ослышался. Лина глядела на меня, грудь ее под зашнурованным платьем поднималась и опадала.

— Леон, беда у меня. Поверила гаду. Не женится он на мне, ну никак! Обманул и сбежал!

— Лина, — сказал я, — с чего ты взяла, что я такое могу?

— Можешь! Ты магией занимаешься по-настоящему, а не как эти умники с линейками, чего тебе стоит?

— Забудь. — Уши мои горели, а прикрывавшие их пряди были слишком светлыми, чтобы спрятать этот огонь. — Даже если мог бы... с чего ты взяла, что я за такое возьмусь?!

— Я добром отплачу, — сказала она, придвигаясь на шаг. — Ты не думай. Я тебе книжки добуду из бабушкиного шкафа. Помнишь, которые ты просил?

Бабушка Лины всю жизнь прослужила библиотекаршей в ратуше. Старуха была уверена: книги существуют, чтобы красиво стоять на полках. Всякую попытку взять книгу в руки, раскрыть, прочитать она встречала, как дракон встречает грабителей в своей пещере. Самые ценные книги, по практической магии, старушка снесла в один шкаф и заперла на огромный замок. Когда-то я просил Лину добыть для меня хоть пару томиков или хотя бы ключ, но Лина меня заверила, что это совершенно невозможно: бабушка полностью выжила из ума и полагает нерушимость шкафа важнее собственной — да и внучкиной — жизни.

— Спасибо, — сказал я с расстановкой. — Не надо.

— Ты подумай, Леон, там очень ценные книжки! Там все написано. Ты бы такой магазин открыл, что со всего мира приезжали бы. Ты бы весь торговый квартал скупил! Все бы говорили, что ты удачливее деда Микеля!

Она снова взяла меня за руку. Наивно, искренне. Она знала мои слабые места, она пробивалась к цели напролом.

— Лина, я за такое не возьмусь, я не могу. Иди к родителям, к семье, они тебя поддержат...

Ее влажные глаза сузились.

— Для Толстой Джаны ты сделал. А для меня не хочешь. Ладно... Тогда я пойду к мэру и расскажу, какой ты пояс сплел для Толстой Джаны. А она в суде подтвердит.

— Не подтвердит, — вырвалось у меня.

— Еще как подтвердит! Она болтуня, всем знакомым тайну выболтала — по секрету! Пять свидетельниц найдется или шесть...

Она развернулась и зашагала к дверям. Ждала, наверное, что я ее окликну.

Я прикусил язык.

Лина обернулась на пороге, сжала губы — и вышла.

* * *

Город лежал на пересечении речного, морского и сухопутного путей. Неподалеку, за площадью, располагался квартал гостиниц, и в двух шагах был порт. Не зря, не зря я выбрал такое дорогое место для моего магазина; вот и сейчас — стоило вывесить на дверь табличку «открыто», как в тесное помещение вошло пять или шесть совершенно незнакомых покупателей.

Две женщины средних лет, явно приезжие, заинтересовались украшениями. Я показывал им кольца с мерцающими в темноте камнями, объяснял, что означает перемена цвета; каждое слово и действие давалось мне через силу. Я думал о Лине: насколько осуществила ее угроза?

Я в самом деле подарил Толстой Джане пояс с особым свойством. Джана забеременела от мужа, но через несколько месяцев заболела сосновой лихорадкой. А у женщин, которые во время беременности подхватили сосновку, рождается кукла, деревянная кукла с человеческим мозгом и несколькими живыми суставами. В школе, в кабинете учителя, хранится один такой заспиртованный плод. Я его видел только раз — но снился он мне раз сорок.

Я сплел для Джаны особенный пояс, и она потеряла ребенка. А потом оказалось, что она выдумала свою болезнь, чтобы обмануть меня. Она не хотела рожать — считала себя слишком молодой, а мужа втайне презирала. Я послужил ей орудием, как резец или молоток.

Поздно теперь горевать. Улик против меня нет — если только эта дура сожгла пояс, как я велел, а не хранит его. Но если у Джаны найдут пояс...

Пожилая матрона смотрела удивленно: она задала вопрос о цене, а я улыбался в ответ и молчал. Она хотела купить лютню с золотыми струнами: очень дорогую вещь, поющую низкими женскими голосами.

— Тысяча двести десять. Для вас — тысяча двести.

Я взял аккорд. Лютня вздохнула совершенно по-человечески и протянула в три голоса: «Корни-кони-крона...»

Матрона вытащила кошелек. Не веря своему счастью, я упаковал инструмент в коробку, приложив в

качестве подарка запасную струну и серебряный камертон. Одна проданная лютня оставляла меня в прибыли на несколько недель.

— Ты неплохо справляешься, мальчик, — проницательно заметила матрона. — Твой хозяин должен быть тобой доволен.

— Он доволен, госпожа. Не желаете взглянуть на шарфы, сумки, шейные платки?

Звякнул колокольчик над дверью. Я обернулся; на пороге стоял человек средних лет, в дорожном костюме и пыльных сапогах.

Покупатель

За время работы я повидал много незнакомцев. Не могу сказать, чтобы при виде нового гостя внутри меня шевельнулось что-то особенное. Но крохотное предчувствие все-таки было. Жаль, я слишком погрузился в свои мысли и не прислушался к нему.

— Что вы желаете? — обратился я к гостю. — Здесь на полках в основном дамские товары, но есть специальный отдел для уважаемых господ. Ароматическая вода, кружащая голову девицам, очки, защищающие от солнечного света, амулеты, перстни...

— Как идет торговля? — Он бросил на меня взгляд из тех, что принято называть цепкими. Но никакой особенной силы в этом взгляде не было — он слегка зацепил меня и соскользнул, как лапа майского жука.

— Хорошо, — сказал я радушно. — В «Подарках Надир» вы можете найти...

— О тебе много говорят в городе, — сказал он и проводил взглядом матрону с лютней, как раз покида-

ющую магазин. — Неприлично, чтобы о парне твоих лет столько судачили.

— Надеюсь, говорят хорошее, — сказал я, удерживая улыбку на лице, как чашку на кончике шпаги.

— Хорошее тоже, — он вдруг подмигнул. — Я не верю и половине того, что о тебе плетут. Ты в самом деле продаешь сны в конвертиках?

— Не совсем так, — я открыл шкаф. — Вот, видите этот конверт? Внутри ничего нет. Но если вы заснете с конвертом под подушкой — вам приснится очень яркий хороший сон. А если у вас хоть чуть-чуть развито воображение, вы увидите то, что сами пожелаете.

— Зачарованный конверт?

Будь он девицей, я сказал бы, что, конечно, зачарованный.

— Нет. Конверт обычный. На него нанесено заклинание, само по себе простое, но удачно вписанное в форму и фактуру предмета. Мое искусство — прежде всего в том, чтобы заклинание и предмет гармонично сочетались. Видите этот узор в уголке?

— Изобретательно, — пробормотал незнакомец.

Я воодушевился:

— Это очень популярный товар, достаточно дорогой — пятьдесят монет за штуку...

— Ты ведь потомок старинного магического рода, — сказал незнакомец и прищурился. — Тебе не стыдно стоять здесь за прилавком и разменивать власть на барыш?

Я до того растерялся, что не сразу сообразил, что в руках у меня зачарованный конверт. Я чуть нос им не вытер, приняв за салфетку. Незнакомец разглядывал меня, будто я сам был редкостным товаром.

— Я принадлежу к семье Надир, — сказал я, вернув себе самообладание. — Это уважаемый в городе купе-

ческий род... И я, между прочим, честно зарабатываю свой барыш.

— Но отец твой — прирожденный маг.

— Благодарю, что навели справки о моей семье.

— Дай-ка, — он взял у меня конверт, и я не успел отдернуть руку. — Неплохая работа. Одноразовая, конечно?

— Конечно. — Я почувствовал себя уязвленным. — Многократное заклинание потребует источника энергии, который...

— Ладно, ладно. По крайней мере, у тебя хватает честности не выдавать свои безделушки за настоящие волшебные предметы. Подумать только, как низко мы пали: потомок Кристального Дома — торговец...

— А что вы имеете против торговцев? — спросил я уже без улыбки. Человек этот нравился мне все меньше.

— Ничего, — он ухмыльнулся, будто его развлекала моя злость. — А это что, кольца?

— Набор украшений, — я говорил сквозь зубы. — Справа на подушке простые. А слева — с эффектом легкой эйфории, как от бокала игристого вина. Достаточно потереть кольцо...

— Открой витрину, я взгляну.

— Вы ведь все равно не будете покупать, — сказал я неожиданно для себя. Обычно я показывал товар даже беднякам с пустыми карманами. Мне нравилось смотреть на лица людей, которые держат в руках магическую вещь.

— Откуда ты знаешь? Что-то, может быть, и куплю. — Он шел вдоль полок, безошибочно узнавая измененные мною предметы. — Это что такое?

— Зеркало, приводящее в доброе расположение духа, — нехотя ответил я. — Оно просто льстит, на самом деле.

— А это? — незнакомец указал на шелковый шнурок с тремя узелками.

— Это оживляет память. У всех есть забытые воспоминания. Когда человек развязывает узелок — его память оживляется, он вспоминает какую-нибудь давнюю мелочь, приятную или забавную.

— Трижды?

— Да. По счету узлов.

— Изобретательно. — Он протянул руку к шнурку, но в последний момент передумал его брать. — Но очень мелко, парень.

— Людям нравится, — я говорил вежливо, но всем своим видом давал понять, что не огорчился бы его уходу.

Он склонил голову к плечу. Длинный, черный от загара, с большими ладонями и огромными ступнями, он похож был на оживший древесный корень. Голова его сидела на узких плечах, будто птица на ветке.

— У тебя не найдется выпить чего-нибудь? — спросил он доверительно.

— Я не пью.

— Тогда просто присядем. Я хочу с тобой поговорить.

Как назло, в дверях не показывалось ни одного нового покупателя.

— Я хочу предложить тебе нечто интересное, — сказал незнакомец. — Возможность посмотреть другие страны и кое-чему научиться. Тебе, наверное, до смерти надоело сидеть в этой дыре, надрывать в магазине, ходить в дурацкую школу?

Он смотрел мне прямо в левый глаз. Я растерялся опять: он не то чтобы читал мои мысли. Он вслух проговаривал то, что становилось моими мыслями через долю секунды: я и сам уже знал, что устал без меры,

школа раздражает, ответственность угнетает, огорчает холодность отца, и еще эти призраки, что не дают спать по ночам...

— Нет, — сказал я, отделяваясь от наваждения. — Эта дыра называется мой родной город, и я неплохо в нем устроился, если вы заметили.

Он снова оглядел полки:

— Неплохо... За прилавком среди платочков и благовоний.

— Меня устраивает. — Я уже еле сдерживался.

— Предки твоего отца прокляли бы внука-галантереящика.

— Убирайтесь, пока я не начистил вам рыло.

Он прищурился:

— Ага, все-таки темперамент у тебя есть, и ты бываешь похож на мужчину... Ухожу, ухожу. Счастливо оставаться.

И за ним закрылась дверь.

Катастрофа

День был испорчен окончательно. Я улыбался, как посмертная маска, покупатели опасливо косились. Торговля шла вяло. Наконец я закрыл магазин, зажег лампу в мастерской и попытался закончить вчерашнюю работу — перстень, заставляющий смеяться. Ничего не получалось: веки саднило, руки тряслись, заклинание не ложилось в форму перстня. Человек, решивший воспользоваться моим изобретением, получил бы икоту и судорожный припадок вместо смеха. В конце концов я плюнул, спрятал перстень в ящик стола и стал закрывать магазин: опустил жалюзи, насыпал в кормушки для мышей кукурузных зерен, пога-

сил все лампы и проверил ставни. Накинул школьную куртку и вышел; на улице было еще светло. Обычно я уходил с работы позже, иногда под утро.

Стражники, проходившие по улице, поздоровались со мной přátельски. Наш торговый район славится безопасностью, стоит только крикнуть: «Караул!» — и моментально оказываешься в кольце вооруженных людей со значками. Но магазин я всегда закрываю на четыре поворота ключа.

Школьный саквояж оттягивал руку. Я вспомнил, что неделя только начинается, а я уже получил «дыру» за порталы, на завтра задана большая работа с чертежами и формулами, и Эд может не успеть сделать ее за двоих. Я ускорил шаг.

Вечерняя свежесть разогнала дрему, и сделалось немного веселее. Прохожие спешили по своим делам, многие со мной здоровались. Тесными группками бродили моряки с разных судов. Раньше я любил заходить в порт, сидеть на пустом причале, смотреть вдаль, слушать, как прибой пощелкивает камушками, будто четками. Раньше, когда у меня еще было свободное время.

Смеркалось. Я остановился на самой верхушке горбатого мостика, чтобы посмотреть на город — он вырисовывался башенками на фоне вечернего неба — и на речку под ногами. На выложенном камнем дне видны были монетки из дальних стран, на которые ничего нельзя купить. В чистой воде резвилась крыса, никого не боясь, ничего не стесняясь; я плюнул в нее сверху, но промахнулся.

Жаль. Говорят, если плевок попадешь в крысу — можно загадать желание.

Пешком от моего магазина до порога дома идти чуть больше часа. Обычно всю дорогу я обдумываю

новые идеи, но на этот раз ничего не лезло в голову. Незнакомец в пыльных сапогах прилепил ко мне слово «галантерейщик», как лепешку дерьма; он давно ушел, а я все спорил с ним, придумывал все новые и новые аргументы: мой магазин занесен в «Книгу достопримечательностей», которая хранится в ратуше! Люди меня уважают! Мои предки довольны!

Галантерейщик. Слово-то какое тухлое.

Позади загрохотала дорога. Я посторонился. Мимо в сумерках проскакал отряд стражников — не городских, в чьи обязанности входит отлов воришек, а гвардейских, тех, что имеют дело с разбойниками, убийцами и прочими серьезными правонарушениями. Они пронеслись, обдав меня порывом ветра и пыли. Я невольно призадумался: куда они спешат? Что случилось?

Я продолжал дорогу торопливо, со все нарастающим дурным предчувствием. А когда вышел на пригорок и увидел издали наш дом — сразу понял, что пришла беда.

* * *

— Несовершеннолетний Леон Надир. Вы обвиняетесь в том, что сегодня, примерно в два часа десять минут после полудня, нанесли тяжелое проклятие несовершеннолетнему Ойге Топотуну, в результате которого он скончался сегодня около пяти часов вечера.

Наш дом был полон стражи. Отец стоял, привалившись спиной к стене рядом с портретом Лейлы, Мертвой Ведьмы. Мать, разъяренная, с раздувающимися ноздрями, восседала во главе пустого стола. Руки ее были скрещены на груди, и пальцы левой вцепились в плечо правой.

Здесь же стояли братья. У Рамона дрожали губы. Эд вертел в руках костяную линейку — наверное, когда стража прибыла, он готовил домашнее задание для себя и для меня.

— Нет, — сказал я. — Я этого не делал. Множество свидетелей может подтвердить.

— Множество свидетелей подтвердит, что вы не били двенадцатилетнего мальчика кулаком в лицо?

Эд крепче сжал линейку. Я испугался, что он порежется.

— Я его бил, — сказал я, прокашлявшись. — Но я его не проклинал.

Офицер кивнул, будто ожидал именно такого ответа, и вытащил свиток:

— «Проклятие, вербально формулируемое как «чтобы ты сдох», приобретает двойную силу, если сочетать его с прямым ударом кулаком. Когда шок от удара проходит, жертва чувствует себя хорошо три или четыре часа, после чего умирает внезапно и необъяснимо». Источник: «Список тяжелых проклятий, применяемых для лишения жизни». Экспертиза тела назначена на завтра. Сейчас вы задержаны, Леон Надир, для полного выяснения обстоятельств.

— Я виноват в том, что его бил, — повторил я, глядя в глаза матери, — но я его не проклинал!

— Экспертиза покажет, — сухо повторил офицер. — Вам придется проследовать с нами.

* * *

Если бы жестяную лейку не привязали к двери кареты, если бы лейка не упала на голову Эду, если бы тот не заподозрил сразу Ойгу и не расправился с ним на месте, если бы Ойга не озлобился и не пристал бы

к Рамону, если бы учитель дал себе труд разобраться и наказал Ойгу, а не моего брата — вихрастый остался бы жить. Но все случилось, как случилось; не ясно одно: почему он умер? Кому, как не мне, точно знать, что никакого проклятия не было и в помине?!

Обо всем это я — коротко, отрывочно — успел передумать, пока меня везли обратно в город в приземистой тюремной карете, подкатившей к нашему дому вслед за всадниками. Окон в карете не было, но я узнавал места, по которым мы проезжали, по стуку колес. Звук этот сменился трижды: когда мы выехали с проселка, ведущего к дому, на широкий тракт, когда мы переезжали мост, когда мы въехали на городской бульжник.

Со мной обращались очень вежливо, и это само по себе было страшно. Где-то я слышал, что уважительнее и мягче всего гвардейская стража обращается с преступниками, приговоренными к смерти.

Странное дело — в эту ночь я, измученный вечным недосыпанием, спал как убитый на тюремной койке в маленькой, темной, но чистой камере. Утром мне принесли поесть, но никуда не водили и вопросами не беспокоили. Я пожевал каши, почти неотличимой от той, что мы с братьями ели перед школой, и снова уснул.

И проспал, с короткими перерывами, до самого суда.

* * *

Зал ратуши был чем-то похож на наш школьный класс, только гораздо больше и, пожалуй, темнее. Здесь проходили традиционные балы, пышные события вроде свадеб и юбилеев, и, как теперь оказалось, громкие судебные заседания.

Людей было необыкновенно много, несмотря на то, что огласки старались избежать и наша семья, и семья Топотун. Тем, кто не уместился на скамейках, приходилось стоять за их спинами.

Мои мать и отец сидели в первых рядах, оба с непроницаемо-застывшими лицами. Эд стоял рядом со мной, не обращая внимания на стражников, беззвучно шевелил губами, то и дело пытался что-то сказать, но голоса не было. Рамона в суд не пустили.

Родственники Ойги, двадцать человек, выделялись среди толпы черным пятном траурных одеяний.

Заседание вел городской судья.

— Для дачи свидетельских показаний приглашается Кайра Мох, учащийся. Подойдите сюда... Ойга Топотун был вашим соседом по парте?

— Да, но я...

— Расскажите подробно, что произошло вчера после окончания занятий.

— Я стоял... Эти двое, два старших Надира, я имею в виду, подошли к Ойге, вернее, он убежал, а они его догнали...

— Почему он убежал?

— Они угрожали ему.

— Они догнали его, и что?

— Он упал. Потому что Леон Надир ему подставил ногу. Тогда они его подняли, обвинили в том, что он проклинал в спину их брата, и стали бить.

Эд снова попытался что-то сказать, шагнул по направлению к креслу судьи, но стражник молча удержал его.

— Сколько раз и каким образом они его ударили? — невозмутимо продолжал допросчик.

— Сперва Эд Надир дал ему пощечину. Потом Леон Надир сказал: а что будет, если я тебя прокляну? Эд На-